

КОМИ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА В КОНТЕКСТЕ БУЛГАРСКО-ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ*

Г. В. ФЕДЮНЕВА,

*доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института
языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского
отделения Российской академии наук*

(г. Сыктывкар, РФ)

Проблема болгарско-пермских языковых контактов уже более полутора столетий привлекает внимание исследователей, поскольку представляет исключительный интерес для изучения истории народов Поволжья и Приуралья. Системное исследование чувашизмов предпринял Ю. Вихман, который в работе «Чувашские заимствования в пермских языках» выявил 164 чувашских заимствования. Из них 36 слов он отнес к общепермскому периоду на том основании, что соответствия чувашским словам имеются во всех пермских языках. Абсолютное же большинство болгаризмов, по его мнению, проникли в удмуртский язык уже после распада общепермского языка [24]. Позже количественный состав болгаризмов неоднократно подвергался корректировке [4; 5; 8; 16–19 и др.]. Венгерские исследователи К. Редей и А. Рона-Таш несколько детализировали классификацию Ю. Вихмана, выделив древнейшие чувашско-пермские соответствия, представленные во всех пермских языках и поэтому датируемые VIII–IX вв. (22 слова), и более поздние заимствования X–XI вв., представленные только в удмуртском и коми-пермяцком языках (9 слов) [23].

Таким образом, в пермистике сложилось устойчивое мнение, что древнетюркская лексика «чувашского типа» представлена в пермских языках тремя группами слов: 1) раннебулгарские заимствования единого общепермского праязыка; 2) среднебулгарские заимствования, проникшие в язык предков коми-пермяков и удмуртов в заклю-

чительный период существования общепермского праязыка; 3) позднебулгарские и чувашские заимствования удмуртского языка, проникшие в период его отдельного существования.

Общее количество общепермской древнебулгарской лексики, которая имеет более или менее надежную этимологию, т. е. признается большинством исследователей, колеблется в пределах 30–35 слов. Однако вокруг этого ядра обнаруживается довольно большая периферия коми и удмуртских слов, которые также могут рассматриваться как результат болгарско-пермских языковых контактов. Так, в Кратком этимологическом словаре коми языка (КЭСК) [9] мы насчитали около 60 слов, в число которых наряду с «надежными» болгаризмами вошли слова, приведенные под вопросом. В работе М. Р. Федотова «Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками» таких слов, по нашим предварительным подсчетам, более 80 [19].

Наряду с относительно надежными этимологиями имеется довольно большая группа «ненадежных» сопоставлений, разбросанных по разным источникам. Большая часть этой лексики выявляется на уровне простых сходжений, которые могут быть приняты или отвергнуты по причине ненадежности звуковых соответствий, хотя имеющиеся критерии часто недостаточны, чтобы делать окончательные выводы.

Сегодня с большей или меньшей определенностью можно говорить лишь о том, что в пермских языках есть несколько десятков заимствований, общих для коми и удмуртского языков, и собственно удмуртские болгаризмы и чувашизмы, которые исчисляются не-

* Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН в 2012–2014 гг. «Истоки и традиции уральских культур: пространственно-временная динамика».

сколькими сотнями¹. Среди них, естественно, имеются сомнительные, недостаточно обоснованные, однако большинство заслуживают внимания и дальнейшей разработки, по крайней мере, требуют объяснений.

В последнее время можно наблюдать очередной всплеск интереса к болгарскому наследию, который выражается в поисках новых болгаризмов и критике старых теорий [4; 5; 11; 12; 22 и др.]. При этом следует отметить, что проблемой болгарских заимствований активнее занимаются удмуртские исследователи. Что касается коми, то последние этимологии, насколько нам известно, были предложены Е. С. Гуляевым в дополнении к Краткому этимологическому словарю коми языка: *алькӧс* уд.сс. «пологий», чув. *уӧх* «луг», мар. *алык*, *алк*, *олык* «луг»; *дӧнӧмунны* «пропахнуть, с запашком» < чув. *тӧн* «ум», первонач. «дух, дыханье», башк. тат. тув. *тын* > мар. *тын* «дыханье»; кя. *корӧм*, удм. *куро* «солома» < чув. *курӧк* «трава, стебель» [9, 390, 403, 409].

Между тем коми диалекты могут обогатить выделенный ранее слой болгаризмов и способствовать уточнению уже имеющихся этимологий. Разумеется, при этом следует учитывать тот факт, что болгаризмы проникали в коми язык в разное время и разными путями. Во-первых, в коми диалектах могли сохраниться кроме выявленных древние заимствования общепермского периода. Во-вторых, более поздние заимствования могли проникнуть в коми-зырянский язык через посредство коми-пермяцкого и удмуртского, а также русского языков. И наконец, следует ожидать проникновения в коми диалекты болгарских слов независимо от посредства других языков, уже на нынешней территории проживания коми-зырян.

По мнению археологов, торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией были достаточно длительными и интенсивными. Об этом свидетельствует тот факт, что болгарский импорт XI–XIII вв. обнаружен на 16 памятниках из 33 известных в настоящее время. В процентном отношении это даже несколько выше, чем в районе радановской культуры,

т. е. на памятниках предков коми-пермяков, где, как известно, контакты коми с булгарами были значительно более тесными и продолжительными. В регионах проживания предков удмуртов и коми-пермяков найдено большое количество болгарской керамики, украшений, предметов быта, выявлены остатки их торговых факторий и некрополей. В Прикамье обнаружены также опорные ремесленные и торговые пункты, где проживало как местное население, так и болгары. Болгарские древности с могильников Перми Вычегодской представлены главным образом ювелирными украшениями из серебра и бронзы, которые, очевидно, обменивались на пушнину [14, 89].

Основная масса болгарского импорта «на зырянской территории» обнаружена на Выми и Нижней Вычегде, где первые древнерусские поселения возникли только в XII в. По-видимому, еще до появления русских, по крайней мере, два-три столетия, предки зырян находились в отношении торгового обмена с Волжской Булгарией. О том, что болгарские заимствования проникали в коми язык на нынешней территории проживания коми-зырян, свидетельствует известный болгаризм *сюри* «шпудька» (удм. *серы*, чув. *сёрё* «цевка»), появившийся в коми языке уже после отпадения конечного гласного *и*, что, по В. Лыткину, произошло около XI–XII вв. [7, 71–74]².

В коми диалектах нам удалось обнаружить около 40 схождения коми слов с чувашскими. Разумеется, пока они являются только схождениями. Тем не менее в свете изложенного эта лексика может быть полезна для дальнейшей разработки вопроса о болгарском влиянии на пермские языки, а также использована для уточнения коми этимологий. Приведем несколько примеров.

1. В дополнениях к КЭСК Е. С. Гуляев дает этимологию диалектного коми слова *алпастӧм*, *алапастӧм* сс.скр. «безобраз-

¹ Последние здесь не рассматриваются.

² Не случайно это слово представлено только в присыктывкарском, среднесысольском и верхневычегодском диалектах. В северо-западных диалектах и Летке используется собственное коми название *дзав* «дранка, щепка» > «шпудька для наматывания пряжи», а на Сыsole, Выми, Удоре – др.-рус. *цевка*, ср. ст.-слав. *цевеница* «катушка» [2, 360].

ный», полагая, что оно могло возникнуть из сочетания слов *ал* «толк» и *нас* «знак», что было, по-видимому, «спровоцировано» наличием каритивного суффикса *-тӧм*: *алпастӧм* – тот, у которого отсутствует *знак толка, знак ума*. Однако в коми диалектах (сс.скр.лл.уд.) бытуют и другие формы этого слова: *алпас, алапаса, алпастӧм* «безобразный, грязный, покрытый пылью и т. д.» [2, 11; 6, 193], которые можно сопоставить с чув. *алпас, алпастӓ* «злой дух, неряха, грязнуля, баловник» [21, 29]: форма *алпастӓ* могла адаптироваться в коми языке с помощью каритивного суффикса *-тӧм*. Это слово с тюркской этимологией было заимствовано в удмуртский и марийский языки в значении «злой дух, домовый» [19, 96], в русские говоры Поволжья в значении «дух дома» [10, 106], а также в вятские и пермские русские говоры как *алпаста, лопапта, лобаста* «злой дух, русалка» [18, 1, 69]. Таким образом, считать коми слово *алпастӧм* сложным, по нашему мнению, нет оснований.

2. В КЭСК глагол *тӧрсъыны* лл. «есть, наедаются» под вопросом связывается с общекоми глаголом *тӧравны* «выхаживать, заботиться о ком-нибудь» и мордовским *тирямс* «содержать, воспитывать» [9, 284]. По нашему мнению, он семантически и фонетически ближе к чувашскому глаголу *тӓран* «наедаются досыта, насыщаться», который имеет достаточно надежную тюркскую этимологию [1, 238]. О возможной связи между ними говорит география слова *тӧрсъыны*, которое представлено только в южном лузско-летском диалекте.

3. В КЭСК в статье *дзерӧдны* «дразнить, донимать, доводить до слез, раздражать», удм. *жӱрыны* «ворчать, роптать, недомогать» реконструируется общепермская основа со значением «недовольство, недомогание» и ставится вопрос, не является ли пермское слово древнечувашским, поскольку в чувашском есть слово *чир* «болезнь», проникшее также в марийский язык с тем же значением. Однако, по нашему мнению, значение пермского глагола «дразнить, роптать» слишком далеко, чтобы сравнивать его с тюркским словом *чер* «болезнь, недомогание». М. Р. Федотов справедливо считает, что чув. *чир* «болезнь» можно соотнести с удм. *чер*,

мар. *чер* «болезнь», которые, несомненно, имеют тюркскую этимологию, ср.: тат. *чир* «нарыв», тур. *чирик* «нарыв», кирг. *чири* «гнилой» и др. [19, 163; см. тж. 18, 4, 365]. Почему бы в этом контексте не рассмотреть коми диалектные слова *чергӧдчыны* скр. сс.вв., *чергысьны* лл.скр. «упасть на спину, очокуриться, слохнуть», *чуравны* «обмереть, захлебнуться плачем», *чуроовны* иж. «потерять сознание от удара», *чур-чермунны* «вздрагнуть от испуга», *чер-чер* уд. «навзничь (упасть)», *черъявны* «лежать на спине» [2, 408, 409, 441, 422], в которых последовательно выделяется корень *чер-/чур-?* Тем более что в том же КЭСК В. И. Лыткин, правда, под вопросом, сопоставляет коми слово *черавны* «онеметь, ооченеть» с мар. *черле* «больной» [9, 303], удм. *черланы* «заболеть» [19, 163].

4. Коми слово *ар, арга* «мальки», *арти* «малек, детеныш» авторы КЭСК под вопросом сравнивают с саамским словом *виорто* «речной лосось» [2, 33]. В нижневьегодском диалекте зарегистрировано слово *аргы* «малые дети, мелюзга, ребяташки» [2, 12], из которого ясно, что основа *ар-* скорее связана со значением «маленький», нежели со значением «рыба». В современных чувашских словарях, в том числе этимологических, обнаружить соответствия нам не удалось. Однако в словаре Н. И. Золотницкого такое слово имеется, причем с тюркской этимологией: чув. *ар*, тат. кирг. *аз*, алт. *ас* «малый, молодой», *ар-вята* «молодуха» [3, 5–6].

В диалектах коми языка мы обнаружили также слова, пока не получившие никакого этимологического объяснения, но имеющие близкие фонетические и семантические сходства с чувашскими.

1. В лузско-летском диалекте вместо общекоми слова *синкым* «бровь» используется слово *син кӧрша* [2, 336]; в нижневьегодском диалекте оно имеет значение «лобная пазуха» [15, 170]. Слово полностью совпадает с чувашским словом *харша* «бровь», которое В. Г. Егоров считает древнетюркским [1, 287].

2. В нижневьегодском и вымском диалектах имеются слова *тутур, тутурушка* «трубка, сверток бересты» [2, 378], ср. также общекоми *тутсыны* «гудеть, свистеть», основа которых *тут-* может быть соотне-

сена с чув. словом *tūt* «рожок»: *tūt кала* «играть на рожке» [21, 450].

3. В коми диалектах зарегистрировано слово *мор* скр.нв. вв. «чума, зараза, мор; шут, черт» [2, 223], значения которого, очевидно, выявлены под влиянием русских слов *мор, морить*. Однако во всех устойчивых сочетаниях это слово имеет значение «черт»: *мор тэкӧд* «черт с тобой»; *мый морла* «на кой черт, какого черта»; *мор оз лый* «черт не возьмет» и т. д. Не связано ли это слово с чувашским словом *мур* «черт»? Фонетических и семантических препятствий для этого нет.

4. Общекоми слово *сёр* «поздно, поздний» не имеет удмуртского соответствия [9, 253], однако его можно сравнить с чувашским словом *сёр* «ночь», *сёрле* «ночью», происхождение которого неизвестно [1, 212], хотя М. Р. Федотов, исходя из конструкции *сёр енни* «север», сравнивает его с др.-тюрк. *jura-ja* «на север» [20, 2, 112].

5. Слово *чеченитчыны* 1) в присыктывкарском диалекте имеет значение «жеманиться, церемониться», 2) в верхневычегодском *чеченитчині* – «капризничать, ломаться», 3) на Удоре *чекенитчыны* – «щегольски изысканно одеваться» [2, 409], ср. чув. *чечен* «красивый, прекрасный, нежный» > удм. *чеченька* «щеголь, франт», мар. *чечен* «красивый» [19, 161].

6. Происхождение кванторного слова *сап* «совсем, совершенно»: *сап пемыд* «совсем темно» авторы КЭСК объясняют через глагол *сапкыны* «отрубить, отсесть, тюкнуть топором» // удм. *сапкыны* «свалить ударом», т. е., как объясняется в словаре, «значение «очень, совершенно» выработалось из мгновенного, однократного действия» [9, 249]. Этимология кажется странной. Возможно, более реалистично сравнить коми *сап* «совсем, совершенно» с тюркской частицей *сап* со значением превосходной степени «совсем»: чув. *сап-сарӑ*, тат. *сап сары*, также мар. *сап сары* «совсем желтый» [20, 2, 12], особенно форму верхневычегодского диалекта (Бог.) *сапсара* «совсем» [2, 330].

Как уже было отмечено, подобные сходения требуют дополнительных обоснований; относятся они, как правило, к разговорной лексике, имеют диалектную специфику, а часто довольно широкий разброс значений.

Показательна в этом отношении одна сказка, которую мы обнаружили в книге «Образцы коми-зырянской речи» [13, 295]. Она записана в 1961 г. в Троицко-Печорском районе Республики Коми со слов 50-летнего информанта и называется «Юла»:

У юлы шесть снох, шесть снох. Одна сноха – свиток бересты, вторая сноха – глиняная кукла, третья сноха – сенная труха, четвертая сноха – метла, пятая сноха – шило, шестая сноха – пузырь. Свитку бересты велели затопить печь. Он там вспыхнул и сгорел. Его не стало. Глиняную куклу послали за водой. Пошел дождь, она по пути домой размякла, и ее не стало. Метлу попросили подмести крыльцо. На морозе она искрошилась, и ее не стало. Сенной трухе велели дать корм скоту. Она вместе с сеном упала, бык ее проглотил, и ее не стало. Шило попросили сплести. Его ножка застряла между половиц и переломилась, и его не стало. Пузырь хохотал, хохотал над ними да и лопнул, и его не стало.

Спрашивается: как название сказки связано с ее содержанием? При чем здесь юла? Какие у юлы снохи? Почему она так глупо поступает? Эта сказка на коми языке называется загадочным словом *ӧньӧ-макӧ*. В коми диалектах *ӧньӧмакӧ*, *аньӧмакӧ* имеет несколько значений: скр. *аньӧмакӧ* неодоб. «тихоня, медлительный, мешковатый человек», вым. нв. *анемакӧ* «стрекоза», печ. *ӧньӧ-макӧ* «юла» [2, 11, 116, 453], вв. (Пезмог) *аньӧмакӧ* игрушка «ванька-встанька». Е. С. Гуляев в дополнении к КЭСК дает следующую этимологию этого слова: компонент *аньӧ* имеет отношение к слову *ань* «женщина», а компонент *макӧ* – неизвестного происхождения [9, 390, 415].

Этимология кажется сомнительной, прежде всего непонятны семантические связи значений «женщина» – «медлительный человек (неодобр.)» – «юла» – «стрекоза» – «ванька-встанька». Собственно, такой разброс значений по диалектам говорит о заимствовании.

Между тем в чувашском языке мы обнаружили слово *анкӑ-минкӑ* «идиот, глупец, тупой», *анкӑ-минкӑлен* «отупеть, одуреть, ошалеть» [21, 33]. Если предположить, что это неясное с точки зрения коми языка слово связано с чувашским, все приведенные значения хорошо объясняются из значения «глупый, дурак». Так, юла в других коми диалектах называется *дурноп*, *дур шар*, лет.

дурпон моз педзё «вертится, как дурачок»; тихоня, медлительный человек также может получить негативную оценку; стрекоза без конца носится, как ошалелая; «ванька-встанька» – ванька-дурак и т. д. Приведенная выше сказка также становится понятной, если перевести ее название не как «Юла», а как «Дурак», «Глупец»: «Было у дурака шесть снох, шесть снох...» и далее по тексту.

Разумеется, в сопоставлении приведенных (да и других) слов имеются фонетические несостыковки, однако не надо забы-

вать, что возможные заимствования могли проникать в общепермский язык, затем в праудмуртские и пракоми диалекты не из чувашского, а из каких-то древнебулгарских диалектов, причем из разных и в разное время, хотя, по-видимому, не позже XII–XIII вв. Большинство таких слов нами обнаружено в лузско-ленском, вымском, нижневычегодском, верхневычегодском говорах, т. е. в тех районах, где, как мы отмечали вначале, было обнаружено и наибольшее количество археологических находок булгарского типа.

Поступила 12.12.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары, 1964.
2. Жилина, Т. И. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1961.
3. Золотницкий, Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Н. И. Золотницкий. – Казань, 1875.
4. Кельмаков, В. К. К проблеме булгаризмов в удмуртском языке [I] // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками : сб. науч. ст. – Чебоксары, 2004. – С. 15–19.
5. Кельмаков, В. К. К проблеме булгаризмов в удмуртском языке [II] // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра : материалы Междунар. симпозиума. – Чебоксары, 2010. – С. 56–70.
6. Колегова, Н. А. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык / Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. – М., 1971.
7. Лыткин, В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика / В. И. Лыткин. – Сыктывкар, 1957.
8. Лыткин, В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопр. финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4. – С. 131–142.
9. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар, 1999.
10. Мызников, С. А. Русские говоры Среднего Поволжья. Чувашская республика. Марий Эл / С. А. Мызников. – СПб., 2005.
11. Напольских, В. В. Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. – Казань, 2006. – С. 100–115.
12. Напольских, В. В. Нетривиальные тюркизмы в удмуртском I. *šam* // LU. – 1999. – № 2 (XXXV). – С. 118–121; II. *сяртчы* // LU. – 2000. – № 4 (XXXVI). – С. 276–281; III. *туй*. IV. *кёжы* // LU. – 2001. – № 1 (XXXVII). – С. 30–33.
13. *Образцы* коми-зырянской речи / под ред. Т. И. Жилиной. – Сыктывкар, 1981.
14. Савельева, Э. А. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией / Э. А. Савельева, К. С. Королев // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 3 (7). – С. 89–97.
15. Сорвачева, В. А. Нижневычегодский диалект коми языка / В. А. Сорвачева. – М., 1978.
16. Тараканов, И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты / И. В. Тараканов. – Ижевск, 1982.
17. Тараканов, И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь) / И. В. Тараканов. – Ижевск, 1993.
18. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1986–1987.
19. Федотов, М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1968. – Ч. 2.
20. Федотов, М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. / М. Р. Федотов. – Чебоксары, 1996.
21. Чувашско-русский словарь / И. А. Андреев, Н. А. Андреев, А. И. Иванов, Т. В. Иванова и др. – М., 1961.
22. Geisler, M. Etymologien aus den permischen Sprachen // LU. – 2002. – № 4 (XVIII). – S. 241–244.
23. Rédei, K. A. Early bulgarin loanwords in the Permian languages / K. A. Rédei, A. Rónatas // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. – T. XXXVII (1–3), 3–41 (1983).
24. Wichmann, Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen / Y. Wichmann. – Helsingfors, 1903.